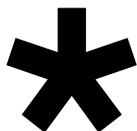

И.Т.Д.

Анастасия Андреева. *За горизонт. Рассказ*
Лиля Калаус. *Света и Бултых. Рассказ*

Анастасия Андреева

ЗА ГОРИЗОНТ

На ужин опять была рыба.

— Надо экономить продукты, — сказала мама. — Теперь в магазин ездить не на чем, поэтому пока будем доедать то, что есть в холодильнике.

Это был камень в мой огород. С тех пор, как на прошлой неделе я разбила нашу машину, мама сильно изменилась. Машина была, можно сказать, нашим ключом к внешнему миру. Без нее было сложно выбираться в деревню: или полдня пешком, или вызывать такси, что нам не особо-то по карману, или напрягать тех немногочисленных друзей, которых мы и так все время напрягаем.

Но все же, стоит ли так убиваться?

Мама больше со мной не разговаривала. Да и остальные тоже дулись, делали вид, что меня совсем не замечают. Только Малышка по-прежнему всегда мне улыбалась и болтала со мной на своем смешном марсианском языке.

Ну, конечно же, я виновата. Я очень-очень жалею, что вышла такая глупость. Конечно, не стоило садиться за руль в таком состоянии, да и надираться так из-за этого идиота тоже не стоило. Но так обидно было, что мозг, видимо, отключился. Да еще девчонки в баре говорят:

— Выпей, дорогуша, тебе надо расслабиться, давай выпьем за то, давай выпьем за се...

Вот дуры тоже набитые. Лучше бы меня ночевать у себя оставили.

Ладно, сама виновата.

Мама даже как-то похудела, не улыбается больше. Я ей говорю:

— Прости меня, мамочка.

А она как будто меня не слышит.

Пусть сами едят свою рыбу, между прочим, даже и не рыбу. Не могу я есть этого дельфина.

Мы нашли дельфина в тот же день, когда я угробила наш «Форд». Только это было днем. Его выбросило штормом на скалы, где мы на него и наткнулись, когда искали подходящие доски среди остальной ерунды, регулярно выбрасываемой морем на берег. Доски нам были нужны, чтобы построить новые качели для Малышки, старые мы пустили на дрова зимой, когда из-за урагана не могли выйти за пределы нашего сада.

Дельфин еще был живой. Мы попробовали его поднять, чтобы отнести к воде, но он был слишком большой и тяжелый, и скалы мешали нам подобраться к нему так, чтобы можно было просунуть тряпку под брюхо.

Он умирал тихо, в его глазах не было страха или грусти, и рядом с ним почему-то было очень спокойно. Но потом я погладила его гладкую серебристую спину, и мне стало вдруг его ужасно жалко, жалко именно из-за этой его покорности смерти, и из-за того, что он не может умереть в море, а вынужден погибать на мрачных скалах, в одиночестве. Я гладила его, и мои слезы капали на его прекрасное неподвижное тело, кап-кап-кап. Сестры звали меня домой, говорили, чтобы я не занималась ерундой, что глупо лить слезы из-за какой-то полудохлой рыбины, а я просто не могла остановиться. Мне уже не было грустно, наоборот, я чувствовала какое-то очищение, как будто слезы промывали меня изнутри.

Наверное, поэтому, когда вечером я увидела своего любимого опять с лихорадочно горящими глазами, просящего, а потом требующего у меня деньги, когда я поняла, что ни я, ни кто другой никогда его не изменят, и единственное, что мне остается, это послать его раз и навсегда куда подальше, что я и сделала, — я не заплакала, хотя боль и сжала все мои внутренности, и я прямо на улице согнулась в три погибели, видя, как он уходит в компании таких же обреченных, как он сам.

Мама убрала со стола, бросила не тронутую мной еду в собачью миску и даже не взглянула в мою сторону.

Я побрела в сад, опустив голову и тоже не глядя на нее. Несмотря на то, что дул ветер и уже начинало смеркаться, Малышка вынесла клетку с попугайчиками, поставила их на скамейку и, сев рядом с ними, пыталась кормить их лепестками роз, видимо только что оборванными с трепещущих под порывами ветра цветов. Птички сидели, нахохлившись, и видно было, что они не в восторге от прогулки.

Я поцеловала Малышку и села рядом. Она как всегда стала мне что-то рассказывать, и я почувствовала, что скоро все будет опять хорошо.

На крыльцо вышла мама, вытирая влажные от мытья посуды руки о полотенце. Завидев нас, она все с тем же мрачным видом решительно подошла и неожиданно открыла клетку. Попугайчики даже не пошевелились. Тогда мама просунула в клетку руку и подставила ее прямо к крохотным лапкам. Птички неохотно уцепились за рукав ее кофты, и она извлекла их наружу. Малышка захлопала в ладоши, глаза ее лучились от неожиданного развлечения. Она потянулась к ним, но мама вдруг резко подбросила руку вверх, и попугаи взлетели в воздух. Малышка хохотала от восторга, но когда птички, покружив над нами, затерялись где-то среди деревьев, она внезапно разразилась безутешным плачем. Мама взяла ее на руки, прижала к себе и, как-то лихорадочно целуя, понесла в дом.

Я стала ходить по саду в надежде увидеть еще раз наших попугайчиков, но их и след простыл.

Когда я вошла в гостиную, Малышка спокойно играла со своими плюшевыми зверюшками, поглядывая время от времени на темно-сиреневое небо за окном. Что-то изменилось в ее взгляде, он стал похож на взгляд человека, только что узнавшего одну из тайн мироздания. Наверное, так оно и было.

После аварии я больше не могла уснуть. Наверное, последствие шока. Вот уже несколько дней я встаю тихонько ночью и иду купаться. Несмотря на то, что еще весна, море уже теплое. Я осторожно вхожу в воду, боясь нарушить тишину, боясь беспокоить что-то, сама не знаю что, может быть морских жителей, или небо, или само море. Я плыву медленно, совершенно

расслабляюсь, обо всем забываю, полностью отдаваясь стихии, как будто море мой настоящий дом, как будто тут моя настоящая жизнь. Может быть, это тоже последствие аварии, раньше плаванье на меня так не действовало.

Я доплыла до буйка и схватилась за него руками. Море тихонько шептало у самого берега, на небе громоздилась большущая луна. Я не чувствовала ни малейшей усталости, наоборот, какая-то свежая, новая энергия постепенно наполняла меня. Впереди была бесконечность, которая словно магнитом тянула меня к себе.

Обернувшись, я посмотрела на берег. У самой кромки воды стояла мама и улыбалась. Ее желтый ночной халат казался белым в лунном свете. Она махала мне рукой.

Господи, какое это было облегчение — увидеть снова улыбку на ее лице. Значит, все закончилось, она меня простила, и все опять будет по-старому.

Я тоже стала махать ей рукой. Мне захотелось обнять ее, сказать, что я ужасно рада, что она больше не сердится, и что я люблю ее, и что-нибудь еще в этом роде, но почему-то я прокричала, что доплыву до корабельного буя и вернусь. Мама продолжала улыбаться, и я поняла, что она ничего не имеет против этого.

Еще немножко помахав ей, я оттолкнулась от буйка. Я плыла, и мне казалось, что с каждым движением я становлюсь все сильнее и сильнее. Должно быть, так чувствуют себя дельфины.

Чем дальше от берега я отплывала, тем тише становилось вокруг, пока не исчезли все звуки и не стало казаться, что тишина — тоже звук, густой, абсолютный, всюду проникающий и все наполняющий звук. В моей голове тоже стало тихо, все мысли лежали где-то на самой глубине сознания, а может быть, и моря.

Медленно и плавно возник передо мной большой едва качивающийся буй. Его железная субстанция казалась какой-то антимагией на живом, таинственном теле моря. Я ухватилась за нижний канат, опоясывающий его, и посмотрела на берег. Мама все еще стояла там, но ее фигурка стала маленькой,

и лица было совсем не видно. Перед тем как поплыть обратно, я посмотрела в сторону горизонта, который, казалось, был совсем близко и за который с самого детства так хотелось заглянуть. Он представлялся границей этого мира и чего-то такого, что даже невозможно представить, но обязательно хорошего, волшебного. И тут вдруг я вспомнила.

Я вспомнила
Я поняла
Что случилось

Я ехала домой ночью после бара совершенно не в себе выпив слишком много оттого что было слишком больно и было темно и плохо освещена дорога и орала музыка и я орала вместе с ней когда я почувствовала что машина летит к обочине не вписавшись в поворот и я давя на тормоз но от этого окончательно теряю управление и вдруг машина переворачивается и еще и еще ужасные толчки и удары и пространство которое только что было правильной гладкой страницей вдруг мнется и корежится какой-то чудовищной силой и я внутри этого ужасного кома раздавленная словно муха под башмаком я ничего не вижу только чувствую как смятый железный ком давит на меня со всех сторон проникает в мое тело чувствую вкус и запах железа это становится невыносимо

И тут я услышала как кто-то сказал
Она умерла

Я вспомнила и тут же почувствовала, как все только что заново пережитое, словно тяжелое пальто, соскользнуло с меня и ушло на морскую глубину, навсегда освободив меня от ненужного более груза. А еще я поняла, что мама грустила вовсе не из-за машины, а из-за меня, и что единственный, кто действительно видел меня после того, как я умерла, была Малышка, и что сегодня мама тоже увидела меня. Тогда я осознала всем своим существом — чем бы оно теперь ни было, — что я не потеряю их никогда, что я связана с ними невидимой нитью, прочнее которой нет ничего.

И я поплыла дальше, и дальше, и дальше, я плыла и вспоминала всю свою жизнь, и, вспомнив, я становилась свободной. Я плыла в сторону горизонта, чтобы наконец заглянуть за него.

